

УДК 330.1

Рустем Махмутович Нуреев: Если мы не будем заявлять о себе, наш голос не будет услышан

Rustem M. Nureev: If we do not speak up for ourselves, our voice will not be heard

Как ориентироваться тем, кто только вступает в этот удивительный и противоречивый мир экономики? Кто может быть проводником в лабиринтах экономических школ и теорий? Такой человек есть, и работает он в Финуниверситете. Это заведующий кафедрой «Экономическая теория» профессор **Рустем Махмутович Нуреев**. Он уже 40 лет ведет активную преподавательскую работу, а также пишет учебники, статьи, организует международные конференции, в которых участвуют ведущие ученые и специалисты; кроме того, он главный редактор экономического журнала. Все это говорит о мощном научном потенциале преподавателя и ученого.

Профессора Нуреева хорошо знают и высоко ценят и в преподавательских, и в научных кругах. Энциклопедичность, широкий экономический кругозор, эрудиция, умение

рассказать о сложных экономических проблемах просто, интересно и увлекательно – редко встречающийся дар у современных преподавателей. Публикуя интервью Рустема Махмутовича Нуреева, редакция надеется сделать его встречи с читателями регулярными.

— **Рустем Махмутович, мир экономики — это огромный спектр различных ее моделей, борьба разных научных школ и теоретических наработок, которые они предлагают национальным правительствам; это, наконец, колоссальный опыт хозяйствования, который накоплен человечеством за всю его историю. Как ориентироваться в этом большом и сложном мире и найти то, что действительно полезно и апробировано практикой?**

— В мире экономики действительно существует огромный спектр различных моделей. Сложность заключается в том, что мир экономики может отражаться на разном уровне в науке. Это может быть эмпирический уровень. И тогда будет экономическая история. Это может быть мир концепций и парадигм. И тогда это будет теоретический уровень. На самом деле экономические парадигмы периодически меняются. С известной долей условности можно выделить три основных этапа в развитии экономической

теории. Это *экономия* (соединение двух греческих слов: *oikos* — дом и *nomos* — правило, закон, т. е. наука о домашнем хозяйстве; *oikonomia* — «управление домом», «домоводство», так сказали бы мы на современном языке). Она просуществовала до 1615 г., когда Антуан Монкретьен, сьер де Ваттевиль опубликовал свой «Трактат политической экономии», подготовленный им для юного Людовика XIII.

И название науки изменилось: если первоначально это была (выражаясь современным языком) микроэкономика, то затем она стала как бы макроэкономикой, *политической экономией*, т. е. наукой о том, «как государство богатеет и чем живет» и какие различные факторы влияют на это богатство.

Ну и, наконец, в 1890 г., после выхода книжки Альфреда Маршалла, название поменялось: мы получили «*экономикс*» — науку о рациональном использовании ограниченных ресурсов. Впрочем, термин этот появился много раньше — в 1871 г., но прижился с легкой руки Маршалла.

Менялись аспекты. Другое дело, что (как это часто бывает) прошло более 125 лет после того, как закрепился этот последний термин. Естественно, за этот период человечество ушло очень далеко вперед, и поэтому сейчас очень многие говорят о кризисе. Сначала говорили (после того как освободились страны Восточной Европы от командной экономики), что это кризис макроэкономики.

Почему? Потому что оказалось, что все рекомендации, которые давались этим странам, не действуют. Вашингтонский консенсус провалился; наоборот, все страны, которые не следовали этим рекомендациям, вроде Китая, добились огромных успехов. Вот почему данный колоссальный опыт хозяйствования продолжает обобщаться.

Как ориентироваться? Ориентироваться довольно сложно. Существуют разные направления: есть те, которые входят в *mainstream* — основное течение экономической мысли. Они в основном развивают основы теории австрийской и кембриджской школы. Но есть и те, которые называются «консервативное направление». Они в «мэйнстриме» не изучаются, но время от времени (особенно в период кризиса) оказываются востребованными.

Существуют разного рода классификации, но (как и любые классификации) они отстают от реальной жизни. В этом ориентироваться не просто, нужно изучать эти разделы.

Полезны ли они? Ну, конечно, полезны, но полезны в разной степени. Полезны в том смысле, что какая бы плохая теория ни была, ее существование — лучше, чем ее отсутствие. Другое дело, что все надо воспринимать с иронией, как говорили древние римляне, *cum grano salis* — не вполне буквально, с крупинкой соли. В этом смысле, конечно, обучение полезно.

Я в последние годы читаю довольно много курсов для топ-менеджеров: обучал и руководство «РАО ЕЭС», и «Газпрома», а сейчас обучаю руководство Федеральной пассажирской компании. И выясняется, что те принципы, которые нужны, — их не так уж и много. Но они чрезвычайно важны. Ну, например, альтернативные издержки — издержки одного блага, которым пришлось пожертвовать для получения другого блага.

Вот мы заходим в магазин и покупаем хлеб: во-первых, теряем время, во-вторых — деньги.

Видите, альтернативные издержки могут быть выражены в денежной форме. Но, на самом деле, альтернативные издержки — универсальная категория, которое не сводится только к деньгам. Понятие «альтернативные издержки» чрезвычайно хорошо работает в этом сложном мире.

Понятие «предельный анализ», которое заимствовано из микроэкономики, — что это? «Предельный» — это не микроны, не секунды, не миллиметры. «Предельный» — это каждый следующий шаг. И если в каждом следующем шаге вы сравниваете предельные выгоды и предельные издержки, и выгода оказывается больше, чем издержки, то считается, что вы двигаетесь в оптимальном направлении.

Правильно это? Да, конечно! Потому что нам в жизни приходится сравнивать тысячи разных вещей, и желательно, чтобы выгода от наших действий превышала те затраты, которые мы несем.

И вообще надо помнить, что современная экономическая теория развивается в духе западной традиции, т. е. она учит рациональности. К сожалению, в реальной действительности понятие рациональности не такое простое — у разных народов есть разное понимание рациональности.

Например, с точки зрения западного человека, который оказывался в Советском Союзе, было нерационально, что все наши холодильники заполнены продуктами. Но тогда у нас был дефицит, и чтобы была возможность выбора в условиях дефицита, надо было накапливать продукты, иметь их в запасе на случай непредвиденных обстоятельств.

Более того, существовал своего рода ритуальный обмен — т. е. люди дарили друг другу конфеты, например. И я помню, что многие, кому дарили конфеты, сразу вскрывали коробку: конфеты так часто передаривались, что срок годности истекал.

Конечно, с точки зрения западного человека, все такого рода поступки были нерациональными.

Еще пример. До сих пор россияне делают огромное количество заготовок в летнее время. Когда я рассказываю своим американским коллегам о том, что люди сами делают варенье или солят грибы, они смотрят с большим удивлением, потому что считают, что есть альтернативные издержки. Если профессор, у которого

часовая ставка 100 долл. или 200 долл., тратит несколько часов на засаливание грибов, которые он может купить в магазине, — для них это нонсенс, нерациональная трата времени.

— **В последние годы в России возрос интерес к теоретическим аспектам современной экономической жизни как на Западе, так и в нашей стране. Чем, по Вашему мнению, вызван такой интерес к экономической теории?**

— На самом деле, к сожалению, если взять университеты, то сейчас все труднее набирать на курс «Экономическая теория». В Казанском (Поволжском) федеральном университете еще как-то набирают на магистерскую программу. Но в Университете Эразмуса в Роттердаме или в Сорбонне чисто теоретические специальности не пользуются популярностью. Наоборот, там теорию вытесняет курс «Менеджмент». Но и у нас люди скорее пойдут на «Банки», «Финансы», даже «Налоги», но не на «Экономическую теорию».

Мой коллега из Казани объяснил мне (и меня это объяснение вполне устраивает), что теория дает потом возможность специализироваться в любой отрасли знаний. Если человек знает фундаментальные основы, если хорошо в них ориентируется, то он легко потом ознакомится с любой методикой.

Я всем говорю (и это выглядит почти как анекдот), что никогда так много не учился, как после защиты докторской диссертации. Раньше в Советском Союзе 10 лет учились в школе, затем 5 лет — в университете, 3 года — в аспирантуре и еще (правда, это было далеко не со всеми) 2 года — в докторантуре. 20 лет человек учился, но надо же когда-то и работать... Выяснилось, что то, чему меня учили, оказалось не вполне напрасным, хотя это, естественно, была марксистско-ленинская политическая экономия. Но она учила мыслить, учила вполне серьезно подходить к экономическим вопросам. И, естественно, мне переучиваться было легче, потому что у меня была хорошая фундаментальная экономическая и философская подготовка.

У меня даже был период, когда я работал по совместительству в Институте философии Российской академии наук, потому что знание, скажем, «Капитала» Карла Маркса давало возможность решать философские проблемы

(во всяком случае — материалистического понимания истории).

Интерес к экономической теории, к сожалению, не такой большой. Он, скорее, в научной среде, у взрослого поколения. Почему? Потому что всякие спады, кризисы, неумение найти эффективные ответы на эти вызовы, неумение решить актуальные проблемы приводят к тому, что интерес (во всяком случае, у творческой интеллигенции) к вопросам экономической теории периодически возникает.

Что же касается студентов, то они, к сожалению, еще не в полной мере понимают, что без серьезной глубокой экономической теории практические вопросы, которые их часто занимают, не решить.

— **После окончания МГУ Вы работали на кафедре политической экономии экономического факультета, т. е. прошли через научную школу, которую сформировал и возглавлял один из лидеров политико-экономической науки в тот период профессор Николай Александрович Цаголов. Что Вам дала как преподавателю и как ученому школа профессора Цагорова?**

— В 1967 г. я поступил на экономический факультет, а в 1972 г. его закончил. Меня сразу оставили в аспирантуре. Я даже не успел ее закончить, когда 15 сентября 1975 г. меня привлекли к педагогической работе. Так что в этом году исполняется 40 лет, как я работаю в высшей школе.

Экономический факультет МГУ был довольно специфическим — когда я поступал, то в полной мере не понимал, что оказался в таком идеологическом центре. Когда кафедру с конца 1950-х до начала 1980-х гг. возглавлял Николай Александрович Цаголов — это был период увлечения теорией. В то время начали понимать: то, что существует в политической экономии социализма, не вполне адекватно отражает реальность. И Цаголов был одним из тех, кто попытался провести систематизацию категорий.

К сожалению, ему немного не хватало глубокого философского знания, он был прекрасный формальный логик. И, с точки зрения формальной логики, так же как и средневековой схоластики, наступил период очень важный — согласование общих понятий, особенных, единичных, была разработана очень стройная концепция.

Более того, она была сразу высоко оценена на Западе.

Удивительно, что с большим трудом Цаголову удалось переиздать «Курс политической экономии», он вышел всего 3 раза на русском языке при его жизни. Но зато выдержал 11 зарубежных изданий. Учебник переводился не только в соцстранах (что понятно, потому что они следовали за Советским Союзом), но и в ФРГ, КНР, Турции, Греции, Японии. Цаголов читал лекции и в Италии, он ездил в США, Японию и другие страны. И самые развитые страны поняли, что это какая-то попытка на новом уровне оценить систему, в которой мы жили.

Другое дело, что это была несколько идеализированная система. Это было стремление к гармонии, стремление согласовать противоречия, подчеркнув общекоммунистическую природу социалистических отношений.

Школа Цаголова дала мне очень важный фундамент, прежде всего — для написания учебников. «Курс микроэкономики» у меня вышел общим тиражом, наверное, уже больше 200 тыс. экземпляров и продолжает печататься, что удивительно. Уже переводится на другие языки: не так давно на таджикский перевели, и не только на таджикский. Потому что предложенная мной формализация хорошо помогает усвоению материала. Студенты очень любят: «во-первых, во-вторых, в-третьих»; признаки, четкие определения и т. д. И опыт работы в энциклопедии (а я больше четверти века был консультантом издательства «Большая советская энциклопедия») тоже помог мне в этом плане. Надо дать четкое определение, надо найти его родовое понятие, основной видовой признак и т. д.

И в этом смысле Николай Александрович Цаголов, конечно, сделал большой шаг вперед, потому что до него и в учебнике Островитянова, и в учебнике Румянцева, и во многих других логика была простой: одна глава просто следовала за другой. А Цаголов попытался выяснить, какие категории носили более общий характер, какие — более частный. Какие — были богаче по содержанию, а какие — беднее. Была предпринята попытка выстроить более сложную систему взаимосвязанных категорий.

Но, к сожалению, как часто бывает, это был период схоластического теоретизирования. Что все же удалось в этой систематизации? Не слишком многое. Удалось зафиксировать три

группы отношений: исходные, основные и производные отношения. Это не очень богатая систематизация, и, более того, она не построена на развитии внутренних противоречий исходного отношения.

— **Рустем Махмутович, Вы — автор многих учебников по микроэкономике и институциональным изменениям, часто выступаете на конференциях и семинарах перед научной и преподавательской общественностью. Как Вы оцениваете состояние современной экономической науки?**

— Микроэкономика больше структурирована, она очень четко построена. Я не думал, что войду в историю российской экономической мысли прежде всего как автор учебника по микроэкономике. Потому что ни одно мое пособие, ни одна моя монография не вышла таким огромным тиражом. 200 тыс. экземпляров в условиях нынешней экономики, когда люди не покупают книги, когда 500 экземпляров — это большое благо, а 1000 — успех для издателя. А тут не 1 тысяча, не 2 тысячи, печатается эта книжка до сих пор, как минимум, 2 раза в год. И так уже скоро 20 лет подряд! И, главное, — покупается студентами!

В чем причина успеха? Если вы зайдете в магазин, вы будете неприятно поражены: ну, как минимум, учебников 20 по микроэкономике, а то — и 30, 40. А если взять реально, то издано уже больше сотни.

Почему какие-то учебники покупаются, а другие не покупаются? Есть несколько предпосылок успеха. Первая предпосылка в том, что еще 22 года назад (это был 1993 г.) я стал публиковать не только сам учебник, но еще и тесты, и задачи, и учебно-методический материал. И, более того, обзор — что сделано на русском языке, где можно найти те или иные данные и т. д., и это оказалось чрезвычайно полезным для преподавателей.

А что касается тестов, они стали теперь основной проверочных знаний по микроэкономике. Это, кстати, дало дополнительный спрос на учебник.

Второй момент: я тогда уловил, что будет возрастать институциональная экономика. И у меня в учебнике уже буквально с «рынка» начинаются «трансакционные издержки», и «фирма — взгляд изнутри», и «экономика ин-формации, неопределенности и риска», и «public

choice» и «внешние эффекты», и «теорема Коуза», и многое-многое другое.

Третье — опыт работы в энциклопедии мне помог. Четкие определения базовых понятий, основные признаки, наглядные рисунки и бережное отношение к другим авторам. Дело в том, что в американских учебниках (они поражают своим размером и объемом) одна и та же идея повторяется минимум трижды: в начале, потом — как подрисовочная надпись и в конце главы. Это, естественно, не очень рационально и резко увеличивает объем учебника.

Ну и, наверное, есть некое умение просто объяснять сложные явления. Это тоже, мне кажется, очень важно. И потом, там есть довольно яркие примеры, которые до сих пор вызывают улыбку. Так, в написании ряда глав участвовал мой ученик — докторант, который занимался экономикой преступлений и наказаний. Поэтому в начале (сейчас, к счастью, уже гораздо меньше) было такое количество рассказов про наркотики, про теневую экономику и т. д., что многим казалось, что я крупный специалист в этой области.

Итак, состояние современной экономической науки я оцениваю не очень высоко. Почему? Я очень люблю повторять выражение из «Алисы в стране чудес», что «надо изо всех сил бежать, чтобы оставаться на том же самом месте». К сожалению, во многих вузах первоначальное овладение наукой остановилось лишь на начальной стадии. А вот мне посчастливилось: я до сих пор преподаю по программе *LSE, London School of Economics and Political Science* (МИЭФ — это филиал Лондонского университета в Москве), а там постоянно идут методические семинары, причем на совершенно необычные темы.

Ну, например: все знают, что понятие денег вводится в макроэкономике. А у них может быть целый день семинар, где о деньгах говорится в микроэкономике. Надо хорошо знать, почему предельная полезность денег постоянная и т. д. и т. п. Казалось бы, это мелочи. Но из таких мелочей часто и состоит большая наука. Поэтому знать историю разработки того или иного вопроса чрезвычайно важно, чрезвычайно интересно и чрезвычайно нужно.

Я уже не говорю о том, что, к сожалению, большая часть наших преподавателей не читают западные журналы. Российские — то не очень внимательно читают — тираж на них сильно

упал, а уж западные точно не читают: только в виде исключения или в порядке подготовки к докторской диссертации. А мои западные коллеги читают не от случая к случаю, а постоянно!

Еще один момент заключается в том, что на Западе существуют профессиональные сообщества. Если ты не член этого профессионального сообщества, то тебя, мягко говоря, не уважают.

Я — член десяти европейских сообществ: по экономической истории, по истории мысли, по компаративистике, по экономике развития, по эволюционной экономике, по теории общественного выбора и пр. И там надо периодически выступать с докладами. А чтобы выступать с докладами, надо смотреть, что в профессиональных журналах опубликовано. К сожалению, сейчас большинство наших журналов имеет довольно скромный импакт-фактор. Мой «Журнал институциональных исследований» занимает 15-ю строку среди всех журналов Российской Федерации по экономике, философии, математике, медицине, химии и т. д.

Почему такой высокий импакт-фактор? Потому что мы очень тщательно подходим к авторам и смотрим, насколько развит аппарат. Вот мне сегодня студент принес эссе, и там нет ни одной сноски, т. е. все из головы или из Интернета. Ну, для студента это простительно, это непростительно для коллег, когда они «из себя» пишут и думают, что этого достаточно.

На Западе, если ты не знаешь историю вопроса, просто не примут статью к публикации, не говоря уже о том, что там должна быть еще математическая модель или эконометрический расчет.

Поэтому я, к сожалению, состояние современной экономической науки в России оцениваю довольно негативно. Что касается науки на Западе — там тоже есть проблемы, заключающиеся в том, что ушло время больших теорий. Вот я читаю курс по экономике развития, там — модели становления рыночной экономики в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Был период в 1960-х, 1970-х, начале 1980-х гг., когда теоретики пытались создать какие-то универсальные концепции, а сейчас пишут статью. Эстер Дюфло из *MIT* написала обзор по четырем деревням северной Нигерии, и она боится даже сделать вывод по северной Нигерии в целом, не говоря уже — по тропической Африке или по другим развивающимся странам.

Это точечный анализ, который не соединяется в единую картину.

В результате такая тщательность идет в ущерб концепции. Наука не может состоять из отдельных кирпичиков, не соединенных в единое целое.

— В экономической науке на сегодняшний день сформировались два абсолютно противоположных экономических течения, участники которых зачастую не только не прислушиваются к аргументам друг друга, но и не готовы вести профессиональный диалог. Что необходимо сделать, чтобы наладить конструктивное сотрудничество?

— Два течения — это экономикс и политическая экономия. С моей точки зрения, политическая экономия, у истоков которой был Уильям Петти в Англии, или Пьер Лепезанде Буагильбер во Франции, или Бенджамин Франклин в США, принадлежит прошлому в классическом виде, как наука о богатстве народов.

Другое дело, если вы откроете *Palgrave Dictionary* — современный словарь по экономике на Западе, то увидите, что под политической экономией понимается экономика политики. И я читаю курс — это так называемая «новая политическая экономия». Более того, мне страшно повезло — я учился у человека, который получил Нобелевскую премию за эти исследования в 1986 г. Это Джеймс Бьюкенен.

У нас, к сожалению, современная политическая экономия совсем не развита. Попытка вернуться к классической политической экономии — это ностальгия по тому периоду, когда были большие теории. Точечный характер современной экономики раздражает тех, кто воспитан на «Капитале» Карла Маркса — хорошей книжке, но написанной (не надо забывать) в 50–60-е гг. XIX в. и отражающей по многим моментам реалии той эпохи.

Мы называем классиками не тех людей, которые дали «универсальную отмычку» на все времена и для всех народов, а тех, которые при имеющихся предпосылках сделали наиболее правильные выводы по той эпохе, в которой они сами жили. Да, в «Капитале» много любопытных методологических моментов, сейчас таких больших теорий нет, и, к сожалению, нет людей, которые могли бы эти теории продолжить.

Мы вчера обсуждали вопрос о создании центра в Казанском федеральном университете,

и он будет, скорее всего, посвящен недоучившемуся студенту Казанского университета Владимиру Ильичу Ленину. Дело в том, что многие приезжают специально — посмотреть, где он учился, в каких условиях. Есть ленинский музей в Казани, на Первой горе и музей в деревне Кокушкино, недалеко от Казани, где он был в ссылке. В актовом зале, где происходили революционные события, тоже довольно любопытный музей сейчас организован.

Но Ленин не смог развить весь «Капитал». Фактически в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» он берет лишь три тенденции, которые сформулированы в 7-м параграфе 24-й главы I тома «Капитала» Маркса. Это довольно талантливо сделано в небольшой работе, которую он назвал «Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк)», но там нет развития всех категорий капиталистического способа производства.

Фактически сам Маркс не закончил свой труд. Те, кто читал «Капитал», знают, что III том заканчивается словами: «на этом рукопись обрывается». Это была огромная задача: то, что он сделал, хорошо, но, тем не менее, явно не достаточно.

Готовы ли мои коллеги вести диалог? Я готов. Могу честно сказать, что я — воплощенное противоречие. В том смысле, что я более 10 лет вел специальный семинар по «Капиталу» в Московском университете и поэтому знаю политическую экономию — старую, классическую, традиционную — довольно хорошо. В то же время я один из немногих (но, к счастью, в России нас становится все больше и больше), кто знает новую политическую экономию — теорию общественного выбора. Поэтому для меня нет больших проблем — соединять одно с другим. Но для большинства моих коллег, которые знакомы лишь с одной из этих двух половинок, такие проблемы, конечно, есть.

Другое дело, что я не считаю, что сейчас нужно продолжать развивать в таком нетленном виде классическую политическую экономию, как многие думают. Это глубокая ошибка! Вот, представьте себе, если бы во времена Маркса или Адама Смита все говорили: «Ну, как же, была экономия. Она была до 1615 года. Давайте будем продолжать экономию». Но она уже принадлежала прошлому. Это был способ воспитания достойных граждан. Это была наука

о справедливости. А в политической экономии меркантилизма проблема справедливости ушла далеко на задний план.

То же самое с политэкономией — это наука о богатстве. Даже в ее марксистском варианте как науки о труде она уже принадлежит истории экономической науки.

Кстати, сам Маркс об этом писал, да и Ленин понимал, что защита марксизма заключается в его развитии. А этого развития, к сожалению, нет. Уже Марксу очень не повезло с учениками — они все оказались на две головы ниже его.

Александровский институт университета в Хельсинки, который носит имя Александра Второго, в свое время заказал мне доклад «Маркс и Россия». Я выступил там, доклад вызвал большой резонанс, я потом и в Тарту его читал, и на научном семинаре в Финансовом университете 2 года назад. Он опубликован — и на русском, и на английском языке.

В чем проблема? В том, что не все теории получают развитие сразу после того, как вы их создали. Как они получают развитие? Профессор читает лекции для студентов. Но, к сожалению, Маркс не был профессором ни одного университета. Он читал для рабочих, но это были вечерние школы или отдельные курсы.

Второй момент заключается в том, что то, что он обобщал, относилось к началу XIX в. Он разделяет «Теорию прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») на три части: «до Рикардо», «Рикардо» и «после Рикардо». А Давид Рикардо умер в 1823 г.! Его основное произведение вышло в 1817 г., т. е. он принадлежит совсем другому времени. Во времена Маркса уже развивалась теория предельной полезности — она совсем другая.

Кстати, сам термин «теория прибавочной стоимости» — недоразумение Н. Ф. Даниельсона. Он плохо знал немецкий язык и слово *wert* перевел не как «ценность», а как «стоимость». На самом деле мы должны говорить «теория прибавочной ценности», «теория трудовой ценности», поэтому там масса недоразумений даже чисто формальных, но дело не в них.

Я вижу это столкновение двух течений в том, что одни хотят, чтобы наука была более теоретической, а другие хотят, чтобы была конкретика. Сейчас, если у вас нет математической модели, если нет эконометрических расчетов, ни один западный журнал вашу статью не примет.

Ну, может быть, за исключением журналов, посвященных истории экономической мысли. Но даже по экономической истории нужны расчеты! Я понимаю — ностальгия по молодости, но гораздо более высокая задача заключается в том, чтобы показать уязвимые черты современной науки.

И я-то вот как раз, в известной мере, был в прошлом и позапрошлом году «воплощенное противоречие» — будучи руководителем кафедры макроэкономики, я подготовил в Институте экономики РАН доклад, который называется «Критика методологических предпосылок макроэкономики». В Институте экономики есть замечательная трехгодичная тема (она в этом году завершается), которая посвящена критике методологических основ современных экономических теорий.

Поэтому диалог возможен, но на конструктивной основе. И проблема заключается в том, что диалог, который существует сейчас в экономической науке, в известной мере — диалог глухих. Почему? Потому что те, кто знает политэкономия, поверхностно знают или вообще не знают на настоящем уровне микро- и макроэкономику. Опять же я, будучи профессором и доктором наук, сдавал студенческие курсы по микро- и макроэкономике: и вводный (*Introductory*), и промежуточный (*Intermediate*) в Лондонском университете.

И, опять же, для того чтобы понимать современную науку, надо иметь западное образование. А у большинства моих коллег, к сожалению, его нет. У тех же, кто помоложе и знает микро- и макроэкономику, нет школы «Капитала», и они не понимают, о чем говорит старшее поколение.

Поэтому это разговор двух глухих. А для того чтобы он был содержательным, одним надо изучать современную экономическую теорию, а другим немного больше внимания уделять экономической мысли. Могу честно сказать, что изучение «Капитала» — это огромный труд. Сергей Есенин писал:

*«И, самого себя по шее глядя,
Я говорю: “Настал наш срок,
Давай, Сергей, за Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать премудрость скучных строк”».*

На самом деле, первый том не скучный. Он был издан и переиздан самим Марксом. Что касается второго и третьего, они дошли до нас в рукописях. Второй дошел в лучшем состоянии — там было два полных варианта и шесть неполных, над которыми работал Фридрих Энгельс. А третий том дошел в единственном варианте.

Более того, Маркс был страшный эрудит, он знал, где, что и откуда взял.

Я не хочу обижать Фридриха Энгельса, он очень много сделал для издания второго и третьего тома, но он не имел университетского образования. У него не было высшего образования вообще, хотя, конечно, он занимался самообразованием всю жизнь. Но не случайно Й. А. Шумпетер напишет, что первый вульгаризатор Маркса — это Энгельс. Это Энгельс!

Я не буду говорить о других, скажем, о Г. В. Плеханове, который был скорее философом, а не экономистом. Я не буду говорить о В. И. Ленине, который имел формальное юридическое образование (причем получил его экстерном) и его знания по экономике имели существенные пробелы. Я когда-то писал, еще в советские годы, о недостатках ленинского анализа капитализма в России (и это вызвало тогда большое недовольство моего учителя Виктора Никитича Черковца) по поводу ошибок «Развития капитализма в России».

Переводить — это огромный труд. И, к сожалению, людей двуязычных почти нет. Их катастрофически мало. Во всяком случае, в нашей стране. На Западе есть университеты, где изучают Маркса, но в основном они довольно «левые».

В общем, еще раз повторю: этот диалог, к сожалению, находится в стадии становления.

— Рустем Махмутович, с 2013 г. Вы — руководитель кафедры «Макроэкономика» Финуниверситета (с января 2015 г. — кафедре «Экономическая теория»). За это время кафедра выступила инициатором и организатором трех международных конференций. Считаете ли Вы, что такой формат дает возможность более тесной интеграции ученых, экспертов и преподавателей из стран СНГ и помогает сохранить единое постсоветское научное пространство?

— Ну, на самом деле — не три конференции, а пять.

Мы провели три международных конференции по теме «Великие экономисты и великие реформы». Первая была по Рузвельту и имела очень хороший резонанс. Мы начали с замечательного американского президента и экономиста. Вторая была посвящена Посошкову — уже скоро 300 лет, как он предпринял попытку реформы (которая, правда, с моей точки зрения, скорее звала назад, чем вперед). Но не важно. Во всяком случае, он за нее расплатился сам, в Шлиссельбургской крепости. А третья была посвящена Дэн Сяопину, там было 110 докладов, посвященных его 110-летию. В сентябре будет четвертая конференция, посвященная 50-летию косыгинских реформ. Так что мы соблюли политкорректность — у нас есть западный ученый, восточный, российский и советский.

Но есть еще две международных конференции, которые мы тоже провели. В прошлом году мы с удивлением обнаружили, что Университету 95 лет — а конференций нет! И мы решили провести конференцию. Каково было мое удивление, когда 100 человек откликнулись! Было 100 докладов, 200 человек участвовали.

В этом году мы решили повторить. Эта конференция была приурочена ко Дню рождения университета — уже вторая. В этом году было 340 докладов.

Я считаю, что эти конференции — удивительное явление. В том смысле, что сейчас, в условиях спада, кризиса, люди, тем не менее, готовы заниматься дополнительной работой. Я тоже, время от времени, читаю лекции для топ-менеджеров. Это дает мне дополнительные средства для поездок на конференции. Это на Западе принято. Другое дело, что там есть определенный фонд. У нас он, к сожалению, не очень большой. Иногда мне помогает Финансовый университет, за что большое спасибо руководству. Без тесной интеграции невозможно.

Кроме того, я довольно активно езжу по странам СНГ. В январе был в Таджикистане, в Худжанде. В ноябре прошлого года был в Ереване на защите моего ученика — он защитил кандидатскую диссертацию. Регулярно езжу в Казахстан, там есть гранты Назарбаева, которые помогают осуществить эти поездки. До этого у меня был довольно большой грант, и мы вместе с монгольскими коллегами ездили в Киргизию и обучали казахов и киргизов. Так что я очень много езжу. Я считаю, что тут есть

большие резервы касательно не только стран СНГ, но и других государств.

В позапрошлом году я был инициатором создания базовой школы в Улан-Баторе: в прошлом году в Финансовый университет поступили 34 человека, а в этом году будут поступать 100 человек. Проводится огромная работа, мы скоро выйдем на очень хорошие рубежи, потому что сейчас рейтинг университета определяется еще и количеством иностранных студентов, тем более бакалаврского уровня. В магистратуру и аспирантуру приезжают довольно часто, а бакалавров довольно сложно получить. При этом приезжают с хорошим русским языком! А их уровень английского не только не уступает, а порой превышает знания наших российских студентов.

Другое дело, что, как это часто бывает, в последнее время посольство Монголии активно участвует и отправляет нам порой не самых подготовленных абитуриентов, и возникают проблемы.

Но это означает, что мы должны сделать постоянное представительство, и не только там, и в Таджикистане готовы, и в Ереване тоже. Я не только в странах СНГ, но и в странах Балтии время от времени бываю, несколько лет подряд читал в Тартуском университете лекции. И считаю, что там тоже есть резервы для увеличения числа этих студентов.

Другое дело, что в нашей стране выделяется очень мало грантов. Был период в 1990-е годы, когда международные организации 20% займов выделяли на научные исследования и разработки, и тогда возможностей было гораздо больше. Но я считаю, что нужна интеграция и внутри страны. Для меня важно не только, что на последней конференции было много ученых из Украины, Белоруссии, Армении и т. д., важна и сама Россия. Дело в том, что Финансовый университет имеет много филиалов. Я провожу в прямом эфире курсы повышения квалификации, и они слушают. На этой неделе подходила директор Ярославского филиала, которая слушала предыдущий курс по микроэкономике, и благодарил.

Мне кажется очень важным, что во всех наших международных конференциях были соучредители: Московский университет, Санкт-Петербургский университет; у нас обычно участвует Южный федеральный университет,

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Балтийский федеральный университет, Сибирский федеральный университет. Мне кажется, что таким образом поднимается уровень Финансового университета — раз он оказывается во главе федеральных и национальных исследовательских университетов. Устанавливаются связи, нас тоже приглашают на конференции, и мы там активно участвуем.

Другое дело, что пока, к сожалению, фонд не очень большой. Я не хочу сказать, что мы должны кого-то эксплуатировать, но проблема заключается в том, что наша кафедра фундаментальная, а прикладные кафедры имеют немножко больше возможностей для зарабатывания денег. Мы можем новую парадигму дать (я шучу, конечно!). Максимум, на чем мы можем заработать: на учебниках, учебных пособиях и т. д. А найти заказчика на фундаментальные идеи гораздо сложнее, чем на прикладные исследования и опытно-конструкторские разработки.

Такое сотрудничество помогает сохранить постсоветское научное пространство. Это чрезвычайно важно. Я с этой целью издаю журнал, и, кроме того, я член редакционного совета десятка других журналов.

— **Рустем Махмутович, в настоящее время большая часть профессионального экономического сообщества считает, что прежняя экономическая модель себя полностью исчерпала и для выхода на траекторию устойчивого экономического роста нужна принципиально иная модель. Каково Ваше мнение? Как Вы считаете, какими могут быть основные контуры этой модели?**

— А что такое «прежняя экономическая» модель? Было три варианта, и дело даже не в конкретных лицах: Ельцин, Гайдар или Путин, а в моделях. Какие были модели?

Что хотели Гайдар и его команда? Они хотели создать рыночный капитализм. Получилось? Нет. А что получилось? Олигархический капитализм. К 31 декабря 2000 г. 8 (!) интегрированных бизнес-групп производили 24,6% валового внутреннего продукта России. Это огромная концентрация.

Что стал строить Владимир Владимирович Путин вместе с Медведевым? Государственный капитализм. Произошла смена? Не произошла. Она продолжается. Варианты, формы участия этого капитализма меняются, но совершенно

очевидно, что это не вчерашнее изобретение. Удачное? Местами неудачное. Почему? Потому что — темпы роста! Дуглас Норт писал: «В конечном итоге наиболее важным являются высокие темпы экономического роста».

Был положительный эффект? Да, был. Никто не станет отрицать, что в первые 8 лет XXI в. были довольно высокие темпы роста. С чем они были связаны? Когда Владимир Владимирович Путин сказал, что надо удвоить ВВП, журнал *Economist* язвительно написал: «Что произойдет, если нефть будет стоить 50 долларов (тогда нефть была довольно дешевая, это начало XXI в.)? Тогда удвоение произойдет к 2015 г. А если больше 70, то к 2013 г., а если больше 100 долларов — к 2011 г.». Вот, удвоение произошло, но не только благодаря нашим усилиям (хотя я не хочу их совсем занижать), но и благодаря тому, что были очень высокие темпы роста цен на нефть.

Воспользовались мы этим периодом? Нет, к сожалению. В полной мере те возможности, которые были, мы не использовали. Они пошли в значительной мере на проведение Олимпиады, и сейчас мы готовим другое крупное спортивное мероприятие — Чемпионат мира по футболу; Универсиаду блестяще провели в Казани. Но не случайно многие задают вопрос: «А что было бы, если бы эти деньги были использованы альтернативным образом?» Что было, если бы мы создали контрфактическую модель? Я думаю, что, может быть, не менее эффективно потратили бы. Хотя, конечно, те же Олимпийские игры (я об этом писал в своей последней книжке) дали большой положительный сдвиг к развитию, во всяком случае, Юга России.

Полностью ли себя исчерпала прежняя экономическая модель? Да. Мелочное руководство исчерпало. А на попытки сейчас искусственно расширить функции Центрального банка мы уже прореагировали в нашем журнале — там появилась статья (причем — студента) Гимирана Утенова «Шаг вперед или два шага назад?».

— **В начале марта в Финансовом университете состоялась представительная международная научная конференция «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания». Как Вы оцениваете ее итоги? Какие предложения, мысли, идеи, которые были высказаны на конференции, показались Вам интересными и полезными?**

— Это была пятая конференция. Я очень высоко оцениваю ее итоги. Мне кажется, растет авторитет. Дело в том, что в Высшей школе экономики уже давно проходят конференции, и я член оргкомитета. Но они классически либеральные. Сейчас Институт Гайдара и Академия народного хозяйства стали проводить конференции, но они тоже классически либеральные. Конференций альтернативных, с большей критикой, с большим приближением к реальным проблемам реальной экономики очень мало. И если Финансовый университет продолжит эту традицию, то мы можем стать центром, который не только позитивно оценивает или критикует с позиций «правых», но и с позиций «левых».

Более того, приятно отметить: на последней конференции было много конкретных секций. Это не только общетеоретическая дискуссия, которой было посвящено пленарное заседание, но и очень интересные секции, затрагивающие вполне конкретные проблемы. Очень интересная была секция, например, у Марины Александровны Абрамовой по банкам. Чрезвычайно интересные секции были, посвященные инновационной политике, международным экономическим отношениям. Получилось, что довольно активно стали участвовать кафедры нашего замечательного университета. И это, конечно, будет прекрасным смотром.

Другое дело, что нужно ее делать двух-, а может и трехдневную конференцию. Конечно, это тяжело — и с физической, и с иной точки зрения, но собирается такое большое количество ученых! «Вышкинская» конференция неделю проходит, «гайдаровская» — тоже почти неделю. Единственное, что мне кажется, надо жестче подходить к докладам. Что у нас получилось в этом году? Докладов прислали много, но только половина авторов, приславших доклады, выступили.

Еще мне кажется, что надо немного больше внимания уделять дискуссионкам, т. е. обсуждению представленных докладов.

Вообще, много было любопытных идей, и надо разрабатывать позитивную проблему воспроизводства и созидания как альтернативу. А когда собирается такой солидный форум — это очень важно, потому что, если мы не будем заявлять о себе, наш голос не будет услышан.